

ХРОНИКА

Сталинская конституція в теоріі и на практикѣ

Новая конституція СССР — третья по счету за 20 лѣтъ существованія большевистской диктатуры — обладает цѣлым рядом примѣчательных особенностей. Ея возникновеніе и прохожденіе; судьба ея авторов; ея государственно-правовая структура; ея социально-политическое содержаніе; избирательная кампанія и исход выборов; порядок работ новаго парламента и итоги этих работ, — все носит отпечаток своеобразія «діалектики» совѣтскаго режима. Над этим своеобразіем царит и проникает его специфическій дух сталинизма: расхожденіе между словом и дѣлом, между внутренним замыслом и его формальным выраженіем, между теоріей и практикой.

1.

Идея преобразованія совѣтской конституціи выскочила на 7-м с'ѣздѣ совѣтов, засѣдавшем с 28 января до 6 февраля 1935 года, как *deus ex machina*. Еще за полгода до этого с'ѣзда, по случаю 11-ой годовщины первой конституціи СССР (6 іюля 1934 г.), несмѣняемый совѣтскій президент, Калинин, доказывал в «бесѣдѣ» с сотрудниками совѣтских газет неизбежность этого «Основного закона» страны совѣтов. На повѣсткѣ 7-го с'ѣзда пересмотр конституціи не стоял. На самом с'ѣздѣ никто не поднимал этого вопроса. Все вышло «вдруг». В то время, как с'ѣзд совѣтов занимался текущей работой, заслушивая доклады наркомов о состояніи хозяйства и политики, совѣтскія газеты напечатали краткое сообщеніе о засѣдавшем одновременно со с'ѣздом совѣтов «пленумѣ» ЦК ВКП. Этот пленум, — треть членов котораго, кстати сказать, оказалась через три года «шпіонами»

и «врагами» совѣтскаго строя, частью разстрѣлянными, частью еще ждущими своего часа, — *между прочим* постановил: «Поручить тов. Молотову войти от имени ЦК ВКП на 7-й сѣзд совѣтов с предложеніем о необходимости *нѣкоторых* *измѣненій* (курсив наш!) в конституціи СССР, в направленіи: 1) дальнѣйшей демократизаціи избирательной системы в смыслѣ замѣны не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытыми — закрытыми 2) уточненія социальнo-экономической основы конституціи в соотвѣтствіи с нынѣшним соотношеніем классовых сил в СССР».

Характер новой конституціи, как октроированной с вершины партійнаго Олимпа, был указан с ясностью, не допускающей кривотолков. Через 5 дней послѣ «пленума» Молотов выполнил данное ему порученіе. Дабы не оставить никаких сомнѣній насчет того, что новая конституція «дарована» народу вождем, Молотов довел до свѣдѣнія сѣзда совѣтов, что в ЦК вопрос о пересмотрѣ конституціи «был поставлен *по инициативѣ товарища Сталина*». В дальнѣйшем вѣра в благодатность вождя поддерживалась и подкрѣплялась прохожденіем конституціи по разным инстанціям. Постановленіе «пленума» было списано слово в слово сѣздом совѣтов в его «постановленіи», вынесенном *без дебатов* в тот же день (6 февраля 1935 г.), как Молотов «вошел с предложеніем» об измѣненіи конституціи. Обсуждать сѣзду нечего было: преобразование совѣтскаго строя было рѣшено до него и без него, настоящим «хозяином». Калинин имѣл всѣ основанія во вступительной рѣчи на 8-м, чрезвычайном сѣздѣ совѣтов, со званном 25 ноября 1936 г. для утвержденія новой конституціи, назвать эту конституцію «Сталинской». Отнынѣ этот эпитет не приходится брать в кавычки: он является официальным.

Выработка новой конституціи, несмотря на то, что вопрос шел, как мы видѣли, лишь о «нѣкоторых измѣненіях», продолжалась полтора года. На другой день послѣ постановленія 7-го сѣзда, выбранный сѣздом ЦИК, в первой же сессіи, избрал конституціонную комиссію в составѣ 31 члена, под личным предсѣдательством Сталина. В числѣ ея членов были Бухарин и Радек, явившіеся, как можно судить по многим данным, авторами проекта в его значительнѣйшей, социальнo-политической части. К моменту вступленія новой конституціи в жизнь, пять членов комиссіи были разстрѣяны, двое «покончили самоубійством», двое бы-

ли осуждены за бунт против власти верховной, пятеро ждут суда. Почти половина авторов новой конституции оказалась шпионами и врагами того самого строя, для которого они выработали Основной Закон...

Работы конституционной комиссии происходили в глубокой тайнѣ, и в течение полутора лѣт о них не проникало в печать никаких свѣдѣній. И снова неожиданно, как дар народу, был опубликован 12 июня 1936 г. проект конституции на предмет «все-народнаго обсуждения». Обсужденіе длилось шесть мѣсяцев. Советская пресса была наполнена в течение этого времени «предложеніями» о дополненіях, измѣненіях и поправках к опубликованному проекту. С обычной торжественностью такое участіе «народа» в выработкѣ важнѣйшаго государственнаго акта выдавалось за высшее выраженіе «демократизма», мыслимое только в «самой свободной странѣ». К концу «обсужденія» были подведены итоги, оказавшіеся подлинно планетарными. 25 миллионoв советских граждан принимали участіе в обсужденіи конституции на фабриках и заводах, на колхозных полях, в учебных заведеніях, в казармах, чуть-ли не в концентраціонных лагерях. Не просто обсуждали, а вносили предложенія: 95.000 предложеній, по точному подсчету советской статистики!.. Через полгода обсужденіе было закончено и был созван «чрезвычайный» с'ѣзд совѣтов для утвержденія новой конституции. Выступая на с'ѣздѣ докладчиком конституции, Сталин доложил, что *комиссія «внесла всего 43 поправки»*, при чем «из них можно было бы признать сколько-нибудь существующими 6 или 7 поправок»... 7 поправок из... 95.000. Стоило для этого мобилизовать 25 миллионoв человек в течение шести мѣсяцев!

5 декабря 1936 г. проект новой конституции был «утвержден» 8-м с'ѣздом совѣтов, который поручил ЦИК-у «разработать и утвердить положеніе о выборах» в новый советскій парламент — Верховный Совѣт. Выработка этого «Положенія» продолжалась семь мѣсяцев, и только 9 июля 1937 г. собралась сессія ЦИК-а, утвердившая его. Содержаніе «Положенія» настолько несложное — оно почти повторяет соответствующія статьи Конституции, лишь с небольшими техническими дополненіями, — что такой длительный срок его прохожденія можно объяснить исключительно необходимостью политической подготовки к введенію в жизнь новой конституции.

Еще интенсивнѣе, хотя по времени короче, шла дальнѣйшая подготовка — от утверждѣнія «Положенія о выборах» до назначенія ЦИК-ом, 11 октября 1937 г., самых выборов, состоявшихся 12 декабря. В качествѣ одной из подготовительных мѣр укажем на «выведеніе в расход», либо в порядкѣ разстрѣла, либо методом «самоубійства», либо зачисленіем во «враги», 21-го члена редакціонной комиссіи новой конституціи, избранной на 8-м с'ѣздѣ совѣтов. Заодно, в промежуткѣ между утверждѣніем «Положенія» и назначеніем выборов, были ликвидированы: автор «Положенія», выступавшій на сессіи ЦИК-а докладчиком, Яковлев, объявленный «шпіоном», и содокладчик предсовнаркома Украины, Любченко, о котором, через 2 мѣсяца послѣ его выступления на сессіи, было объявлено, что он покончил с собой, «запутавшись в антисовѣтских связях и, очевидно, боясь отвѣтственности перед украинским народом за предательство интересов Украины»... О политической подготовкѣ Сталина к созыву новаго «высшаго органа государственной власти», как опредѣляется Верховный Совѣт в ст. 30 Конституціи, — нам придется говорить в другой связи. В общем эта подготовка длилась без малаго три года: с 6-го февраля 1935 года, когда был рѣшен вопрос о пересмотрѣ конституціи, до 12-го января 1938 года, когда собрался впервые Верховный Совѣт, созданный новой конституціей.

2.

Каково государственно-правовое содержаніе этой Конституціи? Стремясь доказать всему міру, что, даруя народу новую хартію, диктатура, с одной стороны, дѣлает это совершенно добровольно, а, с другой стороны, не мѣняет существенных основ «особенной стати» октябрьской революціи, Сталин, а за ним и его «соратники», стараются подтвердить резолюцію пленума ЦК о незначительных «измѣненіях» новой Конституціи. Так, Калинин, во вступительной рѣчи на 8-м с'ѣздѣ, сказал: «В проектѣ сталинской конституціи записано то, что уже завоевано совѣтским народом и что должно быть оформлено в качествѣ незыблагаго закона социалистическаго государства рабочих и крестьян». Сталин в своем докладѣ на том же с'ѣздѣ высказывается по этому вопросу с такой же рѣшительностью: «Проект новой конституціи представляет собой итог уже добытых завоеваній. Он является ре-

гистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и уже завоевано на деле».

Если такая маскировка еще может иметь некоторые шансы на успех в социально-политической части новой конституции, то государственно-правовая структура конституции, в ее теоретическом выражении, уже никак не может быть выдаваема за «регистрацию» того, что будто бы существовало до нея. Молотов, повторявший слова вождя в отношении «закрепления» конституцией «социалистической основы в экономике и общественном устройстве нашего государства», не мог скрыть, что в государственное устройство новая конституция вносит крупнейшие усовершенствования». На самом деле, мы имеем перед собою в новой конституции, — повторяем, в ее внешнем оформлении, — решительный отказ от государственно-правовой системы «октября» и ее радикальное изменение.

Что было положено в основу ленинского построения государства? Ленин противопоставлял умышленно двум основам современного государственного строя — *единству суверенитета и разделению властей* — большевистско-анархистскую *теорию расплывания суверенитета и смешения властей*. Это подчеркивалось и выдавалось за новое слово пролетарского государственного права всеми без исключения «теоретиками» ленинизма: и Стучкой, и Рейснером, и Гойхбаргом, и Пашуканисом, объявленными, естественно, теперь, кто при жизни, а кто заочно, «врагами», «лѣваками», хотя сам Ленин воевал печатно с Монтескье и с его теорией разделения властей, принятой во всех цивилизованных государствах.

Свое внешнее выражение государственно-правовая «теория» ленинизма нашла в тех нормах ленинских конституций, которые определяли права и функции высших государственных органов. Съезд советов, избираемый съездом ЦИК, выбираемый ЦИК-ом президиум, назначаемый им совнарком — такова была лестница этих высших органов. Все они делали одно и то же: законодательствовали и управляли. Каждый из этих органов, кроме съезда советов, мог отменять законы, издаваемые другим органом. И каждый же мог вмешиваться и вмешивался в непосредственно административную деятельность другого.

От этой основы основ государственного строя советов и отказывается новая конституция. Ее творцы не перестают подчер-

кивать этот отказ. В упомянутом уже докладѣ Сталина на 8-м с'ѣздѣ он сказал: «Надо, наконец(!), покончить с тѣм положеніем, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а цѣлый ряд органов. Такое положеніе противорѣчит принципу стабильности законов». Исходя из этого — новаго, конечно, для большевизма, — принципа, конституція провозглашает (ст. 33): *«Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР»*. Одновременно конституція разграничивает предѣлы компетенціи Верховнаго Совѣта, как единственнаго законодательнаго органа, и совнаркома, как органа исполнительнаго: «Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР является совѣт народных комиссаров (ст. 64)»... И, наконец, для полнаго торжества столь неприемлемаго еще недавно принципа Монтескье, конституція проводит начало отдѣленія судебной власти от законодательной и исполнительной, провозгласив в ст. 112: *«Суды независимы и подчиняются только закону»*.

Новѣйшій теоретик сталинскаго государственнаго права, он же и единственный пережившій своих коллег автор новой конституціи, Вышинскій, опредѣляет слѣдующим образом практическое примѣненіе новой теоріи: «Сталинская конституція установила строгое разграниченіе понятій закона, указа, распоряженій, постановленій, приказов и инструкцій. До сих пор такого строгаго разграниченія всѣх этих понятій у нас не было: декреты издавали и с'ѣзды совѣтов, и ЦИК, и его президіум, и совнарком. Новая конституція вносит в эту область чрезвычайную четкость, точность и опредѣленность».

Насчет «четкости» можно было бы спорить с генерал-прокурором Сталина. Конституція, правда, придерживается разнотерминологіи для актов, исходящих от разных органов власти. Она называет акты Верховнаго Совѣта «законами», его президіума — «указами», совнаркома — «постановленіями и распоряженіями», а отдѣльных наркомов — «приказами и инструкціями». Но от «четкой» терминологіи до «опредѣленности» в разграниченіи функций еще далеко. Сама конституція, а в несравненно болѣе ощутительной степени практика ея примѣненія, вносят в эту «четкость» большую путаницу.

Прежде, чѣм перейти к анализу этого вопроса, отмѣтим еще одну особенность новой Конституціи, едва-ли не самую важную

с государственно-правовой и политической точки зрѣнія. Мы имѣем в виду отмѣну новой конституціей самой основы совѣтскаго государства — его «совѣтскости». В самом дѣлѣ, *сведеніе прямыхъ выборовъ в Верховный Совѣтъ*, вмѣсто прежнихъ многостажныхъ выборовъ, при которыхъ депутаты с'ѣзда совѣтовъ просѣивались черезъ нѣсколько *совѣтскихъ* ситъ, а непосредственные законодатели — члены ЦИК-а просто назначались с'ѣздомъ, *означаетъ не что иное, какъ полный отказъ отъ совѣтовъ*, какъ особенной, свойственной лишь «странѣ социализма», системы государственной власти. Можно, разумѣется, для «преемственности» сохранить за новымъ парламентомъ старое названіе «Верховнаго Совѣта». Но совѣтскаго строя, по крайней мѣрѣ, какъ государственно-правовой структуры, в Россіи больше не существуетъ.

Итакъ, в плоскости государственно-правовой Сталинъ, говоря словами Молотова на 8-м с'ѣздѣ, «беретъ все лучшее в демократическомъ устройствѣ другихъ государствъ и переноситъ в нашу страну». Однако, при перенесеніи такихъ хрупкихъ вещей, какъ демократическія установленія, надо соблюдать большую осторожность. И Сталинъ принимаетъ мѣры предосторожности уже в самой конституціи. Главныя изъ этихъ мѣръ — «президіумъ» Верховнаго Совѣта и «Совѣтъ Национальностей».

Относительно президіума в числѣ 95 тысячъ «поправокъ» были сдѣланы, по словамъ Сталина, двѣ. Одни предлагали предоставить президіуму, по примѣру старой конституціи, законодательныя права в промежуткѣ между сессіями Верховнаго Совѣта. Другіе находили, что предѣдатель президіума долженъ выбираться всѣмъ населеніемъ, а не Верховнымъ Совѣтомъ. Сталинъ отвергъ обѣ поправки. Отвергая ихъ, онъ исходилъ изъ одной и той же задней мысли: создать рядомъ съ единственнымъ верховнымъ органомъ суверенитета, на всякій случай, такой промежуточно-ублюдочный органъ, которымъ, в случаѣ надобности, можно было бы маневрировать для сведенія на нѣтъ всей новой государственно - правовой системы.

Президіумъ, по словамъ Сталина, — это «президентъ СССР». «Президентъ» состоитъ изъ 37 человекъ: предѣдателя, 11-ти замѣстителей, секретаря и 24 членовъ. В то время какъ Верховный Совѣтъ созывается, нормальнымъ порядкомъ, только два раза в годъ на сессіи, президіумъ засѣдаетъ перманентно. И хотя Сталинъ отказалъ ему в законодательныхъ функціяхъ «в промежуткѣ», но далъ ему «в періодъ между сессіями» такія права, которыя явно отодвигаютъ

на второй план Верховный Совет и которыми, конечно, не обладает никакой президент в мире, даже президент-диктатор США. Так, президиум увольняет и назначает наркомов, отменяет их постановления, назначает и смещает высшее командование вооруженных сил, объявляет войну. И — издает вот эти самые «указы» и сверх того «дает толкование действующих законов». Что такое «толкование законов», при желании их коренного изменения, это знает всякий юрист. Вообще же всё перечисленные основные функции президиума (есть еще некоторые, всего их перечислено в ст. 49 стблх 13) можно, если это понадобится, так использовать, что от прав «суверена» — Верховного Совета ничего не останется.

Состав президиума, избранного на первой сессии Верховного Совета, весьма ясно показывает, какое значение придает этому органу Сталин. *Из 37 членов президиума семь человек являются членами политбюро*, во главе с самим диктатором. Далее идут *шесть секретарей ЦК ВКП* союзных республик или крупных обкомов партии, и завѣдующий отдѣлом «руководящих партийных органов ЦК». За ними слѣдуют *двое секретарей ВЦСПС и трое маршалов*: Буденный, Блюхер и Федько. Еще двое занимают высшие посты по «советской линии» — председатели московского Совета и московского областного исполкома. Если прибавить к ним еще Крупскую, то из 37 человек мы имеем 22-х ближайших слуг Сталина. Но и еще 9 человек — председатели ЦИК-ов союзных республик — обеспечивают Сталину покорность президиума. Ясно, что с таким президиумом Сталину легче «поворачиваться», чѣм с громоздким Верховным Советом из 1143 человек (569 членов нижней палаты — Совета Союза и 574 члена верхней палаты — Совета Национальностей), как бы он ни был тщательно подобран.

Вторым маневренным рычагом в руках опытного политического машиниста является Совет Национальностей. И на этот счет были предложены «поправки», тоже две. Одна из них предлагала вовсе уничтожить этот институт. Сталин признает, что «однопалатная система была бы лучше двухпалатной», которая отдает, в самом деле, таким буржуазным запахом, от которого отмахивались разными демагогическими словами некогда большевики. Но... «у национальностей СССР, кроме общих интересов, есть еще свои особенные, специфические интересы. Для этого

нужен специальный верховный орган, и таким является вторая палата». Против этого положенія спорить трудно. Вопрос только в том, в каких предѣлах «специфическіе національные интересы» вливаются в общую государственно-правовую систему новаго парламента. Практически, постановка такого вопроса означает рѣшеніе вопроса о составѣ второй палаты.

На этот счет были большія колебанія. Первоначальный проект конституціи имѣл в виду назначеніе совѣта національностей верховными совѣтами союзных и автономных республик. Это было бы менѣе «демократично», но что еще важнѣе, — менѣе надежно с политической точки зрѣнія. Тут Сталину помогла одна из семи принятых им поправок об уравниеніи членов верхней палаты с депутатами совѣта Союза и в порядкѣ избранія, и по количеству. Сталин нашел, как он говорит, что «это предложеніе можно было бы принять» и поясняет: *«Оно дает явную политическіе плюсы»*. Итоги выборов в Совѣт Национальностей не оставляют никаких сомнѣній относительно этих «плюсов».

СССР состоял по старой конституціи из 8 союзных республик: РСФСР, УССР, БССР, Грузія, Азербейджана, Армении, Туркменистана и Узбекистана и ряда так называемых «автономных республик». Как видно из итогов голосованія по выборам в Верховный Совѣт, количество поданных голосов в указанных республиках распределяется, в вышеуказанном перечнѣ, слѣдующим образом: 60,5 млн., 17,5 млн., 3 млн., 1,9 млн., 1,6 млн., 600 тыс., 690 тыс., 3,5 млн. Новая конституція перевела три бывших ранѣе «автономных» республики в «союзныя»: Казакстан, Киргизію и Таджикистан, которыя дали при выборах, соответственно, голосов: 2,9 млн., 800 тыс., 770 тыс. На основѣ «поправки» о способѣ выборов в Совѣт Национальностей, Сталин провел свою «демократическую» систему составленія верхней палаты: от каждой из названных республик выбирается *по одинаковому количеству* депутатов, независимо от количества населенія и избирателей, а именно — по 25-ти. И Великороссія со своими 100 милліонами населенія послала 25 депутатов, и Туркменистан, с полутора милліонами, послал 25 депутатов. И «специфическіе» интересы Украины, с ея 30-тимилліонным населеніем, богатѣйшими природными богатствами, развитой промышленностью, и таковыя же интересы полубродячих киргизов потребовали одинаковаго представительства...

Та же система «уравниловки» была проведена в отношении 22-х «автономных» республик, пославших по 11 депутатов, 9 «автономных областей» — по 5 депутатов и 12-ти «национальных округов» — по 1 депутату. В итогъ Совѣтъ Национальностей оказался не только «уравненнымъ» по числу депутатов с Совѣтом Союза, но имѣет их еще на 5 больше. Примем во вниманіе, что «обѣ палаты равноправны» (ст. 37), что закон считается принятым, только если он одобрен обѣими палатами (ст. 39), что в случаѣ непримиримаго расхожденія между палатами Верховный Совѣтъ распускается (ст. 47), что, как показала опыт первой же сессіи, палаты засѣдаютъ совмѣстно, и Совѣтъ Национальностей, имѣя численное большинство, может при помощи своих киргизов и узбекистанцев с якутами переголосовать Совѣтъ Союза... «Явно политическіе плюсы» такой верхней палаты, в руках опытнаго диктатора — на лицо. Безукоризненная, с государственно-правовой точки зрѣнія основная идея новой конституціи преломляется в нормах конституціи в духѣ режима диктатуры.

3.

И все-таки у диктатора не было полного спокойствія за практическіе результаты примѣненія на дѣлѣ его, *сталинской*, конституціи. Молотов, в цитированой уже рѣчи на 8-м с'ѣздѣ совѣтов, правильно отмѣтил, что «новая конституція идет по пути демократизаціи совѣтскаго строя», что она «расширяет базу» участія народа в управленіи. И «отмѣна имѣвшихся для рабочих преимуществ перед крестьянами при выборах в совѣты», и «обезпеченіе большей свободы голосованія» при помощи «тайной подачи голосов», и то, что «снимается вопрос о лишенцах», — всѣ эти демократическія начала, отмѣченныя Молотовым, содержались в новой конституціи. Рамки настоящей статьи не позволяют нам войти в разсмотрѣніе истоков и причин, вызвавших необходимость в такой демократической на бумагѣ конституціи, не так уж просто и октроированной милостью вождя, а также ея глубокаго соціально-политическаго смысла. Так или иначе, Сталину пришлось провозгласить демократическій строй. Означало ли это, что он отказывается от диктатуры? Напротив. Докладывавая о новой конституціи, и Сталин, и Молотов рѣзко поставили вопрос о диктатурѣ. «Проект конституціи исходит из того, — сказал Сталин, — что государственное руководство обществом —

диктатура принадлежит рабочему классу». И еще яснѣе: «Я долженъ признать, что проект конституціи оставляетъ в силѣ режим диктатуры, сохраняетъ без измѣненія руководящее положеніе компартіи». Молотовъ повторилъ ту же мысль в болѣе оголенной формѣ: «Право на легальность для политическихъ партій, кромѣ партіи коммунизма, остается за бортом»...

Какъ же примирить демократическую «четырёх-хвостку», в особенности тайное голосованіе, со стопроцентнымъ сохраненіемъ «диктатуры рабочаго класса», то-есть компартіи, правильнѣе — Сталина? Для этого были употреблены два способа, уже давно испытанные диктаторами, но получившіе полное завершеніе в наше время интегральной «тоталитарности»: полицейская «подготовка» выборов, длившаяся, какъ мы видѣли, три года, и выборная механика.

На три года, отдѣляющіе 7-й с'ѣздъ совѣтовъ от 1-й сессіи новаго парламента, падаетъ бурный расцвѣтъ сталинскаго термидора. За это время Сталинъ разстрѣлялъ или политически ликвидировалъ всю ленинскую гвардію, треть своего собственнаго ЦКъ партіи, избраннаго на 17-омъ партійномъ с'ѣздѣ в январѣ 1934 года, больше половины своего же совнаркома, назначеннаго 7-мъ с'ѣздомъ совѣтовъ, верхушку красной арміи, половину красныхъ дипломатовъ. Такимъ массовымъ терроромъ в партіи, в сочетаніи с партійной чисткой, удалившей из партіи около трети ея стараго состава, и «снявшей» с работы больше половины неблагонадежныхъ партійныхъ аппаратчиковъ, была почти парализована опасность главнаго демократическаго начала новой конституціи — тайны голосованія. Ибо было ясно с самаго начала, что этотъ «ядъ» европейскаго демократизма больше всего страшенъ Сталину со стороны партійцевъ, а не безпартійной массы, и неорганизованой, и терроризированой партійными чиновниками, за которыми они пойдутъ, куда тѣ прикажутъ.

Но одной «артиллерійской подготовки» терроромъ было бы, разумѣется, недостаточно, если бы выборная кампанія велась в точномъ соответствіи с буквой конституціи. Какъ ни какъ, ст.126 конституціи «обезпечиваетъ» какое-то «право об'единенія в общественыя организаціи», пусть и уродливымъ совѣтскимъ профсоюзамъ, «спортивнымъ организаціямъ» и проч. А ст. 141 предоставляетъ этимъ «організаціямъ» «право выставленія кандидатовъ». Всѣ эти «права», правда, ставятся подъ надзоръ все той же ВКП. Но самъ же

Сталин предусмотрѣлъ в своей рѣчи на 8-ом с'ѣздѣ совѣтов «такой позор», когда «народ кое-гдѣ изберет враждебных людей», — в случаѣ «если наша агитаціонная работа будет поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужим» этот позор. *«Если же наша агитаціонная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы».* Значит, надо было повести избирательную кампанію «по-большевистски». Это и было выполнено, даже с «превышеніем плановых заданий», как говорят в СССР.

Чтобы выборы не оказались «позором», их надо «дѣлать». Дѣлают выборы, во-первых, хорошее «Положеніе о выборах», и, во-вторых, надежныя избирательныя комиссіи. Центральная избирательная комиссія была образована спеціальной сессіей ЦИК-а 11 октября 1937 г. Согласно ст. 34 «Положенія о выборах» «центральная избирательная комиссія составляется из представителей общественных организацій и трудящихся», в количествѣ 15 членов. Соответственно составляются и избирательныя комиссіи на мѣстах. Как видим, ЦИК пошел в демократизмѣ даже дальше конституціи: не только «общественныя организаціи», но и представители просто «трудящихся». Дѣйствительно, состав центральной избирательной комиссіи был в своем большинствѣ «общественным»: из 15 членов только пятеро были взяты непосредственно из партійных организацій — московскаго и ленинградскаго комитетов, кіевской и узбекской партійных организацій и комсомола. Кто же были остальные? Чистые «общественники»: представитель «политико-просвѣтительных учреждений», он же, кстати, завѣдующій отдѣлом руководящих партійных организацій ЦК; от прессы — Мехлис из «Правды», член оргбюро ЦК; предсѣдатель Оссоавіахима; от «профсоюза работников высшей школы» сам Отто Шмидт (до опалы!); секретарь ВЦСПС Москатов; писатель-коммунист, Шолохов. К ним присоединились представители просто «трудящихся»: один стахановец, одна стахановка и два колхозника — ударника. Одним словом, за центральную избирательную комиссію Сталину можно было быть спокойным: от нея «позора» ожидать не приходилось.

По «Положенію о выборах» кандидаты в парламент выставляются тѣми же «общественными организаціями», перечисленными в ст. 126 конституціи, и сверх того, «общими собраніями рабочих и служащих по предпріятіям, красноармейцев по воин-

ским частям, крестьян по колхозам и совхозам». Всѣ вольны выставлять кандидатов по своему свободному усмотрѣнію. Избирательныя комиссіи обязаны «регистировать» всѣх кандидатов, «выставленных с соблюденіем требованій конституціи», а конституція, кромѣ возраста (18 лѣтъ), здраваго ума и несудимости, никаких требованій не ставит. Если бы «наша агитаціонная работа» не пошла «по-большевицки», по требованію Сталина, то в Верховном Совѣтѣ могли бы, в самом дѣлѣ, вѣдь, оказаться «враждебные люди».

Но работа была сдѣлана «по-большевицки, и ни одного «враждебнаго» чловѣка в парламентѣ не оказалось. Кандидаты выставлялись, под бдительным надзором избирательных комиссій, «общественностью» и просто «трудящимися», на рѣдкость согласованно и дружно. Так, с 29 октября посыпались «сводки постановленій общих собраній рабочих, служащих, колхозников, красноармейцев и трудовой интеллигенціи, выдвинувших кандидатуры» Сталина, Ежова, Чубаря, Молотова, Ворошилова, Калинина и других членов политбюро. Послѣдняя такая сводка была напечатана еще 10 декабря, когда прошли всѣ сроки для регистраціи кандидатов (не поздиѣе 30-ти дней до выборов, назначенных на 12 декабря). 3346 колхозов, заводов, армейских частей, кооперативов, учебных заведеній и т. д. оспаривали друг у друга честь избранія Сталина, 1693 — Ворошилова, 1355 Ежова, 1272 — Калинина. И так далѣе. Соответственно, — разумѣется, в других пропорціях «единодушія» и энтузіазмѣ, — проходили кандидаты всѣх, кто был выше намѣчен. Ибо кандидат, как извѣстно, фигурировал всюду один. И достигнуто было это простым способом: «блоком коммунистов с безпартийными».

О существованіи «блока» было официально объявлено за нѣсколько дней до выборов почти одновременно тремя «организациями»: ЦК партіи, ВЦСПС и ЦК комсомола совместно с Оссоавиахимом и комитетом по дѣлам физкультуры обратились с однородными воззваніями к «избирателям». Всѣ они объявляли о «блоктѣ». Всѣ «призывали» избирателей *«дружно, как один, отдавать свои голоса за блок»*. Таким образом, «призыв» был адресован: 5-ти приблизительно миллионам членов ВКП и «сочувствующих», 5-ти миллионам комсомольцев, 22 миллионам членов профсоюзов и неизвѣстному количеству оссоавиахимцев и «физкультурников».

«Призыв» — приказ был, разумѣется, услышан. «Блок» про-

шел концертно *). Цифровой анализ кандидатов «блока» обнаружил, что этот союз был чѣм-то вроде союза kota с мышью. В «блоке», арифметически разсуждая, коммунисты с комсомольцами, если прибавить и «сочувствующих», должны были бы составить не болѣе 10 процентов избирателей; в члены же Совѣта Союза прошло 81% коммунистов и лишь 19% безпартийных, а в совѣт национальностей соответственно 71% и 29%.

И все же Сталин не был спокоен до конца. Выступая накануне выборов в Большом театрѣ, он, на всякій случай, вынес наперед вотум недоверія нѣкоторой части членов верховнаго органа власти. Он «хотѣл бы дать совѣт» избирателям помнить, что в конституціи имѣется статья об «отзовизмѣ»: дѣйствительно, единственная в мірѣ, очень своеобразная «хартія» избирателей против их избранников. Так вот, памятуя об этой статьѣ и называя изложенный в ней закон «замѣчательным», Сталин напомнил избирателям, что они «имѣют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают фимтить (!), и ежели вздумают депутаты свернуть с правильной дороги, то их надо смахнуть с плеч»...

Пока что, не видно, чтобы надо было «смахивать». «Депутаты», повидному, благонадежны. Не могут не быть благонадежными, по крайней мѣрѣ, в своем преобладающем большинствѣ. Из 1143 членов Верховнаго Совѣта (мы складываем цифры обѣих палат, ибо фактически онѣ голосуют вмѣстѣ по всѣм общим вопросам, как показала первая сессія) по официальным данным докладчиков мандатных комиссій палат, около 800 находится на «партийной, хозяйственной, военной и советской работѣ», при чем болѣе половины этого числа отмѣчены, как «руководящіе работники». Крестьян, болѣе или менѣе «от сохи», и рабочих, болѣе или менѣе «от станка», не больше, чѣм по сотнѣ, да и то здѣсь необходима поправка на ударничество и стахановщину.

*) По данным центральной избирательной комиссіи, в голосованіи участвовало 96,8% избирателей, причем «блок» получил 98,6% голосов в Совѣт Союза и 97,8% в Совѣт Национальностей. Сов. газеты подчеркивают эту побѣду, сопоставляя приведенные результаты с таковыми на выборах в буржуазных странах и оговаривая, что онѣ опускают избирательные итоги в гитлеровской Германіи. В самом дѣлѣ, германскіе «выборы» 10 апрѣля дали націонал-соціалистическому «блоку» 99,75% — на 1,15% больше рекордных цифр Сталина!..

Но докладчики мандатных комиссий не стали вдаваться в подробности, рисуящую подлинную физиономию депутатов «блока». Мы можем дополнить вышеприведенные цифры данными, заимствованными из постановлений избирательных комиссий о регистрации кандидатов, отнюдь не претендуя на полноту этих данных. По этим данным, в состав 1143 депутатов входят: 20 членов политбюро, 16 членов совнаркома СССР, 4 руководителя коминтерна и профинтерна (Димитров, Цхакая, Мануильский, Лозовский, прошедший в Совет Национальностей от... киргиз. Кстати, Стецкий прошел от чувашей, Ставский — от чеченцев...), 165 секретарей всех обкомов и части райкомов, больше полусотни уполномоченных краевых НКВД (ГПУ), пятеро секретарей комсомола, 7 высших генералов, 15 зачинателей и отцов стахановщины, 115 председателей ЦИК-ов, совнаркомов и наркомов союзных автономных республик. Всего *высших чинов государства, армии и партии не менее 400*. К ним необходимо прибавить почти всех председателей исполкомов, также почти всех командующих военными округами, многих членов комиссий советского и партийного контроля, прокуроров. Точный подсчет очень затруднен, вследствие спутанности данных. Но мы не ошибемся, если скажем, что *минимум две трети всех депутатов являются высшими чиновниками советского или партийного аппарата* в центре и на местах, что представлены все начальники жандармских управлений, все партийные губернаторы. Но и в остальной трети подавляют маленькую, ничтожную группку «народных» представителей выдвиженцы и подхалимы сталинского режима.

Всматриваясь в политический состав депутатов Верховн. Сов., в служебное и социальное положение членов парламента, мы можем прийти к заключению, что это не столько парламент, сколько, так сказать, «расширенный пленум» ЦК партии, и притом сталинской партии. Недаром Молотов, выступая на собрании избирателей в Москвѣ (8 декабря), воскликнул: «Мы должны так провести выборы, чтобы наша партия и тов. Сталин сказали об этих выборах одно слово: «Хорошо». Похоже, что Сталин сказал свое «хорошо». Конечно, никакой Ллойд не может страховать в режимѣ личной диктатуры от «неожиданностей», которые заставят диктатора «напомнить» еще раз избирателям о необходимости «смахнуть» того или иного депутата. Пока что, выборы по новой конституции про-

изведены так, что хорошія демократическія слова обратились в обычные сталинскія дѣла.

4.

Обладая законопослушным парламентом, состоящим из высших чинов государства и партіи, чуть-чуть разбавленных «непартийными большевиками» — «знатными людьми», обласканными милостью вождя, Сталин может положить под сукно свою собственную, *сталинскую*, конституцію. Первая сессія Верховнаго Совѣта показала с чрезмѣрной очевидностью, что нарушеніе буквы новой конституціи и ея духа в угоду прежним, удобным методам управленія совершается с большой легкостью. Засѣданія Совѣта были превращены в спектакль, переходившій порою в балаган.

Вышній «фон» — митинговый. «Депутаты занимают первые два сектора, все прочее пространство отдано народу, гостям»... Всѣ перемѣшаны. «Неожиданно вспыхивают бурные рукоплесканыя»... Ясно, кому рукоплещут: «В ложах появляется тов. Сталин», со свитою. И здѣсь все перемѣшалось: члены правительства и депутаты, политбюро и коминтерн, «хозяева» и «гости»... Засѣданіе Совѣта Союза открывает извѣстный академик - коммунист, Бах, заканчивающій свою рѣчь здравицей «руководству партіи Ленина-Сталина». Возгласы с мѣст: «Да здравствует тов. Сталин! Ура!» — и «бурные аплодисменты, переходящіе в овацію»... Засѣданіе Совѣта Національностей открывает «работник коминтерна», Цхакаа. Та же здравица за «вождя народов, нашего любимѣйшаго, великаго Сталина», и так же «привѣтственные возгласы сопровождаются бурной оваціей, которая длится нѣсколько минут»...

«Единодушно» принимается порядок дня. «Единогласно» избирается председателем Совѣта Союза член политбюро Андреев. Так же единогласно избирается председателем Совѣта Національностей другой член политбюро, он же генсекретарь ВЦСПС, Шверник. Как избираются? Разумѣется, *par acclamation*: «Лѣс рук поднимается, против нѣтъ ни одного голоса». Сколько в этом лѣсу деревьев-депутатов, сколько — гостей, — неизвѣстно: голосованія, собственно, не производится. Такой порядок устанавливается на всю сессію, для всѣх голосованій, по всѣм вопросам. Первое

нарушение конституции совершает сам парламент: тайна голосования исчезает.

Слѣдует второе нарушение одного из существеннѣйших принципов конституции — строгаго отдѣленія законодательной власти от исполнительной. Тов. председателя Совѣта Союза избирается председатель совнаркома Узбекистана, Сигизбаев, председателем комиссій по иностранным дѣлам и законодательных предположеній Совѣта Национальностей — председатель СНК РСФСР Булганин и нарком просвѣщенія Туркин. Министры, которые должны, по смыслу и буквѣ конституции, отчитываться перед парламентом, будут сами, в качествѣ председателей комиссій, требовать отчета от министров, в том числѣ... от самих себя. Другіе парламентскіе посты замѣщаются высшими партійными чинами, членами неофициальнаго правительства: Жданов — председатель комиссій по иностранным дѣлам Совѣта Союза; председатель Моссовѣта, Сидоров, — председательствует в комиссіи законодательных предположеній; дальше идут секретари партійных обкомов и совѣтских исполкомов: «блок» в парламентѣ не дѣйствует, и безпартійным не довѣряют руководства государственными дѣлами.

За все время сессіи в обѣих палатах выступило всего 19 ораторов-парламентаріев. Из них — 5 членов политбюро, остальные — почти исключительно секретари ЦК партій республик или обкомов. И опять-таки — ни одного безпартійнаго. «У нас — работающій, а не разговаривающій парламент. Совѣт, а не говорильня», — отмѣтил с удовлетвореніем парламентскій корреспондент «Правды». Зачѣм депутатам разговаривать, когда за них говорит партначальство? Да и о чем говорить? Вот «порядок дня» сессіи, принятый в нижней палатѣ, по предложенію Жданова, и в верхней — Булганина: выборы мандатной комиссіи, выборы постоянных комиссій (законодательной, бюджетной, по иностранным дѣлам), внесеніе измѣненій в нѣкоторыя статьи конституции, избраніе президіума, образованіе правительства, назначеніе прокурора СССР, об оплатѣ расходов депутатов. Такой «рабочій» порядок дня можно исчерпать очень быстро. И сессія, дѣйствительно, продолжалась всего 8 дней, из которых два дня депутаты посвятили осмотру достопримѣчательностей столицы... Из шести рабочих дней три было посвящено избранію комиссій и докладу мандатной комиссіи, один — избранію прави-

тельства и прокурора, один — одобренію принятых правительством задолго до созыва парламента поправок к конституціи, впрочем, несущественных (образованіе новых комиссаріатов). Все «работа» — без «говорильни». Только один день занимались «разговорами»: это был день «интерпелляцій». Члены политбюро Жданов и Косарев и секретарь ЦК Арменіи, Багиров, «интерпеллировали» члена политбюро Молотова. Спектакль был разыгран с неподражаемым юмором. Жданов грозно «вопрошал» Молотова, на каком основаніи правительство терпит безчинства японцев и нарушение французским правительством договора дружбы с СССР, допуская на территоріи Франці дѣятельность «бѣлобандитов», для чего так много иностранных консульств в СССР?... Это были словесныя демонстраціи, заранѣе срепетованныя в политбюро, — подлинная «говорильня». Так же дали парламенту поиграть в «недовѣріе» к нѣкоторым членам правительства, участь которых задолго была предрѣшена в политбюро. Тот же Жданов «громил» Крыленко за альпинизм и шахматную игру, позволяющіе у него под носом пролѣзать в совѣтскую юстицію разным «врагам». Ему вторил Багиров, в то время как третій «интерпеллянт», начальник комсомола Косарев, критиковал дѣятельность обреченнаго предсѣдателя комитета заготовок, Кольцова. Безпартійные члены «блока» слушали и молчали: гдѣ им вмѣшиваться в такія высокія дѣла государственной важности! Зато предсѣдатель совѣта министров, Молотов, на другой же день отвѣтил, как полагается по конституціи, на «интерпелляціи», выразив готовность «учесть» критику, направленную против неугодных наркомов, при составленіи новаго кабинета.

Этим была исчерпана «работа» первой сессіи перваго парламента, созданнаго по новой конституціи. А между тѣм конституція торжественно устанавливает, что «Верховный Совѣт осуществляет всѣ права, присвоенныя Союзу Совѣтских Соціалистических республикъ» (ст. 31). Права же эти, перечисленныя в ст. 14-ой конституціи, обѣмлют такія немаловажныя отрасли управленія и законодательства, как, на примѣр, «установленіе народно-хозяйственных планов», «утвержденіе единаго бюджета», «управленіе банками» и, наконец, назначеніе правительства. Какія из этих прав дано было осуществить парламенту в его первой сессіи?

Мы видѣли, что «дѣловая» работа Совѣта ограничилась од-

ним только пунктом — избраніем правительства. Но и этот пункт обратили в комедію. Ровно за год до созыва парламента политбюро принялось за чистку совнаркома. Такой быстро мелькающей чехарды наркомов и замнаркомов, какая была произведена за этот год, не видѣла ни одна страна в мірѣ, в том числѣ и страна совѣтов. Достаточно сказать, что из старого состава совнаркома, выбраннаго послѣдним очередным сѣздом совѣтов в 1935 году, дожило до Верховнаго Совѣта всего шесть чловѣкъ: Молотов, Чубарь, Микоян, Ворошилов, Литвинов, Пахомов (наркомвод, предназначенный в интерпелляціи Жданова на слом, который и проназведен на-днях). Остальные были смѣщены до созыва парламента, у котораго таким образом была эскамотирована одна из важнѣйших прерогатив — назначеніе правительства. Пытаясь создать видимость парламентаризма, Сталин заставил Молотова продѣлать парламентскій ритуал «предоставленія портфелей кабинета в распоряженіе» Совѣта: он подал в отставку. Парламент, конечно, выразил ему довѣріе, поручил составить новое правительство, которое на другой же день представилось Совѣту... в своем старом видѣ, выбросив трех второстепенных наркомов, в том числѣ Крыленко, заранѣе забракованных Ждановым. И не успѣлъ Совѣт разойтись, как началась новая чехарда — пока что с замѣстителями наркомов, которых опять перетасовывают, как карты в колодѣ. Так осуществил полномочный хозяин совѣтской страны одно из своих основных прав — право назначенія правительства.

Что касается другого права, еще болѣе существеннаго, — утвержденія государственнаго плана хозяйства и рассмотрѣнія бюджета, то этих прерогатив Сталин не дал даже понюхать своему парламенту. В нарушеніе всѣх законов и обычаев, установленных раньше в отношеніи предшественника нынѣшняго парламента — ЦИК-а, в этом году ни народно-хозяйственный план, ни бюджет вовсе не были представлены законодательным учрежденіям. За полтора мѣсяца до созыва Совѣта совнарком, в порядкѣ «управленія», вынес постановленіе «о программѣ производства промышленности и работъ желѣзных дорог на 1938 год». Тут были «утверждены» всѣ планы промышленнаго производства. Сессіи Совѣта об этом доложено не было. Зато одновременно с засѣданіями Совѣта происходило засѣданіе «очереднаго пленума ЦК партіи». Пленум «разсмотрѣлъ вопросы сессіи Верховнаго Совѣта и принял соотвѣтствующія рѣшенія». Затѣм он также «разсмотрѣлъ ряд хо-

зайственных вопросов» и тоже «принял соответствующія рѣшенія». В числѣ этихъ рѣшеній былъ и планъ сельско-хозяйственныхъ работъ на 1938 годъ, принятый по докладу наркомзема, члена политбюро, Эйхе. Черезъ 10 дней послѣ окончанія «работъ» Совѣта совнаркомъ, съ своей стороны, заслушалъ тотъ же докладъ Эйхе. Заодно онъ заслушалъ докладъ наркомфина Звѣрева и «обсудилъ вопросъ о государственномъ бюджетѣ на 1938 годъ» и «о кредитномъ планѣ госбанка». «Четкая» терминологія сохранена: совнаркомъ не издаетъ «законовъ», а лишь «слушаетъ» и «постановляетъ». Но «стабильная законность» похоронена. Все вернулось на свое мѣсто, и даже ЦКъ партіи возобновилъ съ марта с. г. свое законодательное творчество совмѣстно съ Совнаркомомъ.

Такъ осуществилъ полномочный хозяинъ совѣтской страны свое второе существеннѣйшее право — утвержденія бюджета и гос. плана. Это было уже вопіющее нарушеніе основы основ конституціи. В сущности говоря, правительство СССР совершаетъ в 1938 году систематическое беззаконіе и настоящія растраты, производя работы, не утвержденныя законодательной властью, тратя деньги, не отпущенныя ему в порядкѣ, предусмотрѣнномъ Основными Законами. Но Молотовъ, заканчивая свою рѣчь в Верховномъ Совѣтѣ «об образованіи правительства», заявилъ: «Мы хотимъ быть вѣрными помощниками нашего учителя и вождя народовъ Союза — великаго Сталина. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ мы, совѣтъ народныхъ комиссаровъ, обратимся за совѣтомъ и указаніемъ, прежде всего, къ тов. Сталину». Здѣсь в отчетѣ имѣется ремарка: «Шумная овація, всѣ встаютъ, возгласы: Да здравствуетъ вождь великаго совѣтскаго народа, великій Сталинъ». Суверенъ совѣтскаго государства — Верховный Совѣтъ, в митинговомъ порядкѣ, передовѣрилъ свои суверенныя права сверхсуверену — Сталину, не удостоившему его чести — стать его предсѣдателемъ. Конституція превратилась в «ключокъ бумага».

Тотъ же Молотовъ, в одной из своихъ рѣчей о новой конституціи и созданномъ ею парламентѣ, противопоставляя этотъ парламентъ сѣздамъ в фашистскихъ странахъ, сказалъ, что на тѣхъ сѣздахъ «никакого обсужденія и никакихъ преній не ведется». Тамъ «собираются только для выслушиванія двухъ-трехъ рѣчей фюреровъ». Его выслушали серьезно, и никто не показалъ вида, что здѣсь дана краткая, но вѣрная характеристика сессіи Верховнаго Совѣта. Всѣ диктатуры — похожи: громкія слова, безподобныя правовыя по-

строения о народовластии, пышные конституции в теории и — полное безправие народа на деле. «Сталинская» конституция является собою последнее слово такого «освоения техники» личной диктатуры вождя.

Л. Торопецкий.

ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ

АПРѢЛЬ.

1. В Египтѣ правительство одержало на выборах полную побѣду: из 145 мѣст в парламентѣ, вафдисты получили всего 20. Забаллотирован лидер партіи вафд, Нахас — паша.

2. Англія извѣстила германское правительство о том, что она признает аншлус и упраздняет свое посольство в Вѣнѣ.

— Чан - Кай - Шек избран президентом гоминдана, с диктаторскими полномочіями.

3. Испанскіе націоналисты заняли Лериду. На Мадрид сброшено 2.000 бомб.

— Франція и Чехословакія, в свою очередь, упразднили вѣнскія посольства и превратили их в генеральныя консульства.

4. Чемберлен заявил в палатѣ общин, что сейчас, в разгар вооруженій, было бы неумѣстно назначать новые выборы.

5. Исчез софійскій полпред Раскольников, впавшій в опалу и отозванный в Москву. Он выѣхал из Болгаріи, но в Россію не прибыл.

— Японскій посол в Москвѣ заявил протест против помощи, оказываемой большевиками Китаю. Литвинов отвѣтил, что слухи эти распускаются с цѣлью испортить японо - совѣтскія отношенія, и что на самом дѣлѣ СССР никакой помощи Китаю не оказывает.

6. Палата депутатов, послѣ бурных преній, приняла большинством 311 голосов против 250 финансовые законопроекты Блюма.

— В Англіи, на дополнительных выборах в округѣ Фэлгем, прошла кандидатка рабочей партіи. В 1935 году здѣсь был избран консерватор.

7. Произошла враждебная сенату демонстрація, организованная лѣвым крылом французских социалистов перед зданіем верхней палаты.

— Геббельс произнес в Мюнхенѣ рѣчь, в которой сказал: «Наступил рѣдкій в исторіи момент, когда готовится новый раздѣл земли».

8. Французскій сенат большинством 223 против 49 отклонил финансовые законопроекты Блюма. Правительство подало в отставку.

— Лорд Фарингтон огласил в палатѣ лордов документы, из которых явствует, что укрѣпленіе итальянцами и нѣмцами побережья испанскаго Марокко свело на нѣтъ военное значеніе Гибралтара.

9. Впервые за все время японо - китайской войны китайскія войска перешли в контр - наступленіе и одержали значительную побѣду. Си Нан - Фу, столица провинціи Шантунг, очищена от японских войск.

— Венгерское правительство внесло в парламент проект «расистскаго» закона, устанавливающаго для евреев 20-процентную норму во